

УДК 159.9

ОПЫТ НЕУДАЧНОГО ЭТНИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Гончарова Т.М.¹, Гончаров Е.А.², Фирер Н.Д.³

¹Красноярский филиал Московского психолого-социального университета, Красноярск, Россия (660012, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Судостроительная, д. 105), e-mail: goncharovtm@yandex.ru

²Красноярский институт железнодорожного транспорта – филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, Красноярск, Россия (660012, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Ладо Кецховели, д.89), e-mail: genepotters@mail.ru

³Лесосибирский педагогический институт - филиал Сибирского федерального университета, Лесосибирск, Россия (662544, Красноярский край, г. Лесосибирск, ул. Победы, 42), e-mail: ntlfr@gmail.com

Предметом данной публикации является содержание, развитие и практические результаты процесса этнического конструирования, значимые для быстро глобализирующегося мира. Рассмотрены основные конкурирующие концепции этничности, претендующие на объяснение интересующих нас процессов. Важной является роль языка, который выступает не только условием формирования этноса, но и итогом этногенеза. Последнее особенно очевидно, когда формирование этноса происходит путем интеграции отдельных этнических групп. В данном случае язык обычно выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. Этнос можно сконструировать, но процесс этот фундируется, т.е. обуславливается территорией, ландшафтом, природно-климатическими и социальными условиями, влиянием внешнего окружения и свойствами человеческих общностей.

Ключевые слова: этнос, этническая идентичность, примордиализм, конструктивизм, гетеронационализм, этнонационализм, евронационализм, этническая общность.

THE EXPERIENCE OF FAILED ETHNIC DESIGN: SOCIO-LINGUISTIC ANALYSIS

Goncharova T.M.¹, Goncharov E.A.², Feerer N.D.³

¹ of the Krasnoyarsk branch of Moscow psychological and social University, Krasnoyarsk, Russia, 660012, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, street, d. 105), e-mail: goncharovtm@yandex.ru

² Krasnoyarsk Institute of railway transport – FILIAL of Irkutsk state University of railway engineering, Krasnoyarsk, Russia (660012, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, ul Lado Ketskhoveli, D. 89), e-mail: genepotters@mail.ru

³ Lesosibirsk pedagogical Institute - branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia (662543, Krasnoyarsk, Lesosibirsk, Pobedy str., 42), e-mail: ntlfr@gmail.com

The subject of this publication is the content, development and practical results of the process of ethnic construction that are important for the rapidly globalizing world. Examines the main competing concepts of ethnicity, claiming the explanation of the interesting process. Important is the role of language, which acts not only as a condition of formation of the ethnos, but also the result of ethnogenesis. The latter is particularly evident when the formation of the ethnic group occurs through the integration of particular ethnic groups. In this case, the language usually serves as one of the most important objective properties of the ethnos, but also as a symbol of ethnicity. Ethnicity can be constructed, but the process is conditioned by the territory, the landscape, climatic and social conditions, the influence of the external environment and the properties of human communities.

Keywords: ethnos, ethnic identity, the you, constructivism, heterosociality, ethno-nationalism, euronationalism, ethnic community.

В последние годы развернулась активная дискуссия по одной из важнейших проблем этнологической науки - проблеме этнической идентичности. Особую остроту приобрел вопрос о характере этничности: является ли она изначально заданной по своей природе или же она представляет собой некий искусственный конструкт? «Естественная», сформировавшаяся на ранних стадиях развития человечества общность - или социально обусловленная система связей между людьми? Можно ли «построить народ»? Или этносы «вырастают» естественным порядком, порождаемые данным биоценозом, географическим

ландшафтом, совокупностью внешних вызовов и т.п.? Эта дискуссия постоянно выходит за рамки чисто научного дискурса, - что, собственно, неудивительно, ибо вопросы, в ней затрагивающиеся, в настоящее время, в эпоху «взрыва этничности», приобретают все более очевидную актуальность.

Предметом данной публикации является содержание, развитие и практические результаты этого процесса, столь значимые не только для Украины и Русского Мира, но и для быстро глобализирующегося мира в целом. Рассмотрим основные конкурирующие концепции этничности, претендующие на объяснение интересующих нас процессов. Действительно, этнос можно сконструировать в принципе, но представляется очевидным, что процесс этот фундируется, т.е. обуславливается территорией, ландшафтом, природно-климатическими – а в равной степени и социальными условиями, влиянием внешнего окружения и свойствами самого «материала» - той (или тех) человеческой/их общности/ей.

Примордиализм (от лат. *primordial* – изначальный) рассматривает принадлежность человека к тому или иному этносу (народу) как изначально заданную характеристику. Человек рождается членом данного этноса: его этнические черты представляют собой «сущностные структуры самой личности, являющиеся вместилищем этнической субстанции» [8].

Наиболее распространенная формулировка примордиалистского подхода к анализу этничности принадлежит основателю интерпретативной антропологии, американскому антропологу К. Гирцу: «В каждом обществе во все времена некоторые привязанности проистекают больше из чувства естественной, некоторые сказали бы - духовной близости, чем из социального взаимодействия» [цит. по: 3, с. 5]. Сторонники примордиализма считают, что «осознание групповой принадлежности заключено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания» [9].

Исходя из двух объективных оснований существования этноса (природы и общества) все теории, сформулированные в рамках примордиалистского подхода, можно разделить на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое.

Сторонники социобиологического направления объясняют образование этноса как процесс, определяемый генетическими и географическими факторами, интерпретируя этничность как формирование «расширенной родственной группы» или как образование «расширенной формы родственного отбора и связи». Этничность в социобиологии понимается как всеохватывающая форма естественного отбора и родственных связей, которые сохраняют свое значение и в развитых обществах [4].

С позиций эволюционно-исторического направления - примордиализм не обязательно тяготеет к эволюционно-биологическим трактовкам этнических феноменов. В частности, Ю.В. Бромлей предложил определение этноса как исторически сложившейся на определенной территории совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) [1]. Таким образом, этнос - исторически сложившаяся социальная группа людей, связанная общностью территории своего формирования, языка и культуры. При этом ни один из признаков в отдельности не является этнодифференцирующим, лишь их совокупность позволяет определить этнос. Этноты, оставаясь примордиальными группами, носят характер социальных, а не биологических сообществ, поскольку этнические связи рассматриваются как сущностно-зависимые от исторических изменений.

Важной является роль языка, который выступает не только условием формирования этноса, но и итогом этногенеза. Последнее особенно очевидно, когда формирование этноса происходит путем интеграции отдельных этнических групп. В данном случае язык обычно выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. Таким образом, понятие «этнос» относится к группам людей, обладающих едиными идентификационными признаками, традиционно передаваемыми из поколения в поколение. В современном русском языке такому пониманию термина «этнос» в известной мере соответствует понятие «народ».

Согласно конструктивистскому подходу к пониманию этничности порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт, сознательно создаваемый писателями, учеными, политиками. Такой конструкт - это результат целенаправленно созданных объективированных представлений о социальном мире. Конструктивистский подход уделяет особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнического своеобразия.

Основное теоретическое обоснование конструктивистский подход получил в трудах американского культурного антрополога Дж. Комароффа [5] и английского социолога Б. Андерсона (Anderson, B. *Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism/ Revised Edition / London: Verso. – 1995*).

Однако наиболее распространенное в мировой науке конструктивистское понимание этничности связывают с именем норвежского этнолога Ф. Барта, который определяет этничность как наиболее широкую категорию социальной идентичности, ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, подчеркивает договорной

характер границ между этническими категориями (Barth F. Introduction: Ethnic Groups and Boundaries (1969)//Theories of Ethnicity: A Classical Reader/Ed. by W. Sollors. London, 1996).

Этнос в конструктивизме - это общность людей, формирующаяся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Отличительной особенностью этой концепции этноса и этничности по сравнению с другими является не добавление к определению этих понятий новых признаков, а введение в любой подобный перечень элемента «представления об этих признаках». Так, например, признаком этнической общности является не общее происхождение, а представление или миф об общей исторической судьбе этой общности. Этничность в таком понимании - это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории.

Центральным моментом порождения этничности и появления этноса или этнической группы является категория «границы» [4, с. 159-160], содержание которой весьма подвижно.

Итак: возникает ли этнос «естественным» (природно или социально обусловленным) порядком или целенаправленно создается, конструируется заинтересованными в его формировании силами?

Показательно, что в практике национально-государственного строительства два вышеуказанных, казалось бы исключаящих друг друга, подхода порой совмещаются. В частности, украинский «самостийники», взяв власть в этом регионе исторической России, сочетают примордиализм в пропаганде (в частности в легенде о «древних украх», сформировавшихся как этнос чуть ли не одновременно с Древним Египтом) с конструктивизмом в национальной политике, упрямо выдерживая линию на насильственную «украинизацию» западнорусских территорий. Каков же материал, из коего формируется «українська державність»?

Прежде всего, о самом термине «украина»: он складывается в XV-XVI вв. в применении к окраинам Руси Московской. Это и «немецкая Украина» - псковщина, и «литовская Украина» - смоленщина, и «залесская Украина» - суздальско-нижегородские земли, и, само собой, «польская Украина» - чернигово-северская земля. В XVI-XVII вв. чернигово-северские земли, в ходе многочисленных войн между Россией и Речью Посполитой, неоднократно переходят из рук в руки. В этот период, с подачи поляков, стремившихся сформировать на территории Малой и Червонной Руси особую этническую общность, противостоящую «москвитам», термин «Украина» начинает употребляться расширительно, - в отношении днепровского Левобережья, а затем, уже в XVIII веке, и тех

юго-западных русских земель, что до раздела Речи Посполитой оставались в ее составе. Население этих земель вплоть до начала XX века именовало себя русскими (или русинами – в Червонной Руси, Восточной Галиции). Термин «украинец» появляется лишь во второй половине XIX века в работах галицийских самостийников, работавших под патронатом Австро-Венгерской империи – кружка М.С. Грушевского и одновременно – их малороссийских последователей, прежде всего, Н. И. Костомарова, впервые заявившего – только в 1862 году – о существовании особого «украинского языка».

Русины Восточной Галиции вплоть до Первой Мировой войны упорно сопротивлялись насильственной украинизации. С. Н. Щеголев [10] отмечает, в частности, что в Угорской Руси (современное Закарпатье) еще в 1911 г. власти требовали с учащихся духовных семинарий следующую расписку: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а украинцем и только украинцем...» (с. 477). Тот же автор на основе анализа польской публицистики этого времени убедительно показывает, что активную роль в создании самостийничества играли также и поляки, в течение длительного времени упорно внедрявшие в массовое сознание населения западнорусских земель идею существования особого «украинского» народа. Массовые репрессии 1915-1918 гг., истребившие – руками австрийской жандармерии и военщины – русинскую политическую и культурную элиту, создали льготные условия *діяльності* для украинских националистов. Что же касается «украинского» языка, то позволим себе процитировать труды нескольких выдающихся отечественных ученых филологов рубежа XIX и XX веков.

Профессор Киевского университета св. Владимира, автор капитального исследования «лекции по славянскому языкознанию» Т.Д. Флоринский: «Малорусский язык есть не более как одно из наречий русского языка... составляет одно целое с другими русскими наречиями... Факт целостности и единства русских наречий в смысле принадлежности их к одной диалектической группе считается в современной науке истиной, не требующей доказательств». Соответственно, жители Малороссии «...в этнографическом отношении представляют не самостоятельную славянскую особь, а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русским народом. В состав ее входят наравне с малороссами великороссы и белорусы» [9, с. 332-333].

Профессор Б.М. Ляпунов: «В настоящее время русский язык делится на наречия великорусское, малорусское и белорусское. Причем названия эти простому русскому народу неизвестны и употребляются только образованными людьми» [там же, с. 389].

Филолог-славист, этнограф, академик И.И. Срезневский: «Давни, но не испоконни черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное – великорусское и малорусское; не столь уж давни черты, разделившие на севере наречия восточное

(собственно великорусское) и западное (белорусское), а на юге наречия восточное (собственно малорусское) и западное (русинское, карпатское), еще новее черты различия говоров местных... все эти наречия и говоры остаются до сих пор только оттенками одного и того же наречия и ни мало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа» [цит. по: б, с. 43-44]).

Подчеркнем, что «українська мова» и малорусское наречие, презрительно именуемое в сегодняшней Украине «суржи́ком» - далеко не одно и то же. Современный «литературный украинский язык» не имеет ничего общего с полтавско-черниговским малорусским наречием, которое официально признано эталоном украинского языка. На самом деле в основу последнего положен так называемый подгорский галицийский диалект. (Это было сделано потому, что малорусское наречие Полтавщины и Черниговщины имеет слишком много общего с литературным русским языком). Шесть столетий польской, а затем австро-венгерской, снова польской и, на короткое время – немецкой оккупации, длительного существования в отрыве от России обусловили заметную деформацию языка, впитавшего в себя польские, венгерские, немецкие и даже английские слова и выражения («fine girl» – «файна дивчина»).

Во второй половине XIX века «украинцы», поляки и австрийцы принялись украинизировать лексику. Из словарей выбрасывались слова хоть как-то напоминавшие русские. Вместо них брались польские, немецкие, а также просто выдуманные. В конце XIX века наиболее весомый вклад в «святое дело» создания «украинского» языка внесло научное Общество им. Тараса Шевченко во главе с М.С. Грушевским. Главной задачей их работы был максимальный отход от литературного русского языка. Помесь малорусских диалектов допускалась с большими предосторожностями: каждое малорусское слово или фраза, в коих замечаемы были общерусские признаки, либо браковались, либо переделывались. Охотнее всего реформаторы перекраивали на свой лад готовые польские слова и превратили свой язык в польско-галицийский жаргон.

А. Ваджра приводит несколько используемых в обиходе исконных «украинських слив», позаимствованных у поляков [2]:

Але	аматор	в'язень	дзьоб
ale	amator	więzien	dziob
но	любитель	узник	клюв
ледве	парасолька	цегла	цвинтар
ledwie	parasolka	cegła	cwentarz
едва	зонтик	кирпич	кладбище

Даже такой убежденный украинофил, как Нечуй-Левицкий вынужден был отметить, что идет не чистка языка от «русизмов», а его целенаправленная подмена. Он писал: «За основу своего письменного языка профессор Грушевский взял не украинский язык, а галицкую говирку со всеми ее стародавними формами, даже с некоторыми польскими падежами. К этому он добавил много польских слов, которые галичане обычно употребляют в разговоре и в книжном языке, и которых немало и в народном языке. До этих смешанных частей своего языка проф. Грушевский добавил еще немало слов из современного великорусского языка без всякой необходимости и вставляет их в свои писания механически...» [там же]. Вот как он характеризовал «говирку», которую использовал Грушевский: «Галицкий книжный научный язык тяжелый и не чистый из-за того, что он сложился по синтаксису языка латинского или польского, так как книжный научный польский язык складывался по образцу тяжелого латинского, а не польского народного... И вышло что-то такое тяжелое, что его ни один украинец не сможет читать, как бы он не напрягался бы» [2].

А. Ваджра пишет: «По своей конструкции, тот литературный украинский язык, который сейчас преподают в украинских школах, входит в западнославянскую, а не восточнославянскую языковую группу. Современный украинский литературный язык не имеет связи с древней языковой традицией юго-западной Руси и фактически из-за своей искусственности, неестественной эклектичности, зависает в воздухе.... По этой причине современный украинский литературный язык отторгается духовно-психологической организацией малоруса как нечто инородное, неудобное, ограничивающее, выхолащивающее. ...С его помощью можно поддерживать коммуникативный процесс на уровне канцелярского делопроизводства, но он не предназначен для передачи всего спектра оттенков нашего крайне сложного духовного и интеллектуального мира. Этим привнесенным извне, искусственным языком мы сами себя ограничиваем, толкаем на путь духовной и интеллектуальной деградации. Отсюда наша неумолимая тяга к русскому языку и русской культуре, ломающая все барьеры, создаваемые украинским государством» [2].

С. Кара-Мурза расценивает конструктивистские технологии, примененные украинскими самостийниками с целью «возбуждения политизированной этничности» как чрезвычайно эффективные: «Было на практике подтверждено предсказание этнологов. К. Вердери писала, что «при помощи конструктивистских технологий производства, которые уже были апробированы для «изобретения» классических наций, и которые проявили действенность языка, музея, географической карты и т.д., современный «этнолингвистический» национализм (Э.Хобсбаум) может породить новые воображаемые общности – воображаемые лишь в скверном смысле этого слова, то есть совершенно

несвязанные с каким-либо чувством социальной реальности и гражданских обязанностей» [4, с. 340-341].

Новая программа нациестроительства на Украине относится к новой версии этнического национализма, условно именуемой «гетеронационализмом», лишь недавно ставшей предметом исследования этнологов. Это – переплетение двух совершенно несовместимых течений национализма (евро - и этнонационализма). Дж. Комарофф пишет: «...он представляет собой некоторого рода синтез, стремящийся вместить этнонациональную политику самосознания в рамки евронациональной концепции этнической общности» [5].

В общем и целом «проект Украина», как мы можем сегодня с полным основанием констатировать – провалился. Почему?

Мы полагаем, что основная слабость конструктивизма – как в теории, так и на практике, в частности, на Украине - состоит в том, что он не учитывает объективные обстоятельства, обуславливающие успех (или неудачу) подобных проектов. Действительно, этнос можно сконструировать в принципе: но представляется очевидным, что процесс этот фундируется, т.е. обуславливается территорией, ландшафтом, природно-климатическими – а в равной степени и социальными условиями, влиянием внешнего окружения и свойствами самого «материала» - той (или тех) человеческой/их общности/ей. Украинизация удалась в Восточной Галиции, будучи фундируема многовековой иностранной оккупацией (польской, а затем – австрийской и снова – польской), интенсивной насильственной «дерусификацией», продолжающейся и сегодня (если, конечно, здесь что-то еще осталось от Червонной Руси). В других регионах бывшей УССР столь «благоприятных» для украинизации условий не сложилось – в итоге Малороссия и Новороссия более или менее успешно противостоят агрессивной «политизации украинской этничности» до сих пор.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса // М.: Наука. – 1983.
2. Ваджра А. Правда о происхождении украинского языка / Электронный ресурс. URL: http://poselenie.ucoz.ru/publ/o_proiskhozhdenii_ukrainskogo_jazyka/1-1-0-465
3. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. – 1998/ - № 4.
4. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа // М.: Алгоритм. – 2007.
5. Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: Политика самосознания в конце XX века. – В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. – 2004.

6. Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера // М.: Крымский мост - 9Д. - 2006.
7. Рыбаков. С.Е. Этничность и этнос // «Этнографическое обозрение» - 2003. - № 3.
8. Тишков В. А. Очерки теории этноса и политики этничности в России // М.: Русский мир. - 1997.
9. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / под. ред. Смолина М.Б. // М.: Редакция журнала «Москва». - 1998.
10. Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма / Киев. – 1912.

Рецензенты:

Мельникова Т.В., д.фил.н., к.ю.н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» г. Красноярск.

Гришаев С.В., д.соц.н., доцент, директор Красноярского филиала Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» г. Красноярск.